

Ульяна Гринь

*Няня
для дракоши*

УДК 82-312.9
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Г85

Гринь У.

Г85 Няня для дракоши / У. Гринь — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 268 с.

Я нашла в лесу замерзающего дракошу. А оказалось, что это наследник империи, маленький мальчик, одинокий и дерзкий. Теперь я няня в другом мире, живу среди полуящеров в замке и пытаюсь узнать, кто постоянно покушается на моего подопечного. Его надменный папаша строит мне не то козни, не то глазки — как их понять, этих драконов?

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-521-90620-8

© Ульяна Гринь, текст, 2021
© Ольга Волкова, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Глава 1

МАША, ПАША И ПИТБУЛЬ

Телефонный звонок разбудил меня на два часа раньше, чем полагалось по мнению будильника. Нашупав мобильник, я с секунду тупила, глядя на экран, а потом просто сбросила звонок. Откинувшись на подушку, услышала ворчливое:

— Опять звонят. Опять. Опять звонят.

— Отстань, Паш, — пробурчала я и накрылась одеялом с головой.

— Звонят. Опять.

— Спи!

Трындит и трындит без толку. Но поспать нам не удалось. Телефон настойчиво запиликал опять. Я застонала. Да что ж такое, неужели даже в воскресенье нельзя выспаться?! А от окна снова раздалось противное:

— Звонят-звонят-звонят!

И дьявольский хохот. О, господи... Я откинула одеяло и взяла трубу, приняла звонок:

— Слушаю...

— Машенька, дорогая, прости, пожалуйста, что беспокою так рано в выходной, но ты сама понимаешь, у нас ни выходных, ни отпусков, ни праздников!

— Елена Сергевна, ничего страшного, — пробормотала я, пытаюсь разлепить веки. — Что случилось?

— Золотце, мы на объекте как раз! Блин, тут такое! В общем, изымаем, как обычно, сама понимаешь, ну тут мелочь — йорки, шитцу, чихуашки, мопсы... Это мы пристроим, это ничего, но тут питбулиха на цепи сидит! С течкой! А куда я её с течкой дену? Мои с ума сойдут, ты же знаешь, а девочкам уже звонила, нигде нет

свободной клетки, только коллективные. А куда её в коллективную? Может, возьмёшь, Машенька?

Я села на кровати, свесив ноги. В тапки не попала и поджала пятки, спасаясь от холодного пола. Питбулиха с течкой. Только этого мне и не хватало!

— Машенька, собаку стерилизуем, вот течка пройдёт, и сразу на операцию, а держать пока негде, помогай, золотце, я тебе за это корма привезу! Машунь!

— Елена Сергевна, у меня же Малыш. Ну, вы же в курсе.

— Малыш дурик! — отозвался Паша.

— Пашке привет от меня! — снова зачастила Елена Сергевна. — Слушай, ну поддержи эту красотку на цепи пока, я же видела, у тебя цепь от старых хозяев осталась.

— Вы живодёр, знаете ли. На цепи!

— Машенька, лучше у тебя на цепи, чем в приюте. Она же всех порвёт! А в клетке дома держать не могу, понимаешь? Не могу!

Я понимала. У Елены Сергевны четыре кобеля дома, и все не маленькие. В двушке. И пять с половиной кошек, если считать месячного котёнка, выкормленного из пипетки. А у меня кисы — свободные, гуляющие дамы, да и Малыша можно ограничить. Подниму заборчик, который сняла. Цепь... Да, цепь висит, я к ней шину для Малыша привязала.

— Ладно. Когда привезёте? — сдалась я, нагнувшись в поисках тапочек. Их под кроватью не оказалось. Опять Цезарь спёр! Вот зараза!

— Сегодня к вечеру нормально будет? У нас этой мелочи целая стая, просто не представляешь себе ужас, который тут творится! Вот как разгребёмся — я к тебе сразу, договорились?

— Договорились, — со вздохом ответила я, сбрасывая звонок. Спать сегодня уже не придётся.

Я встала и погладила потревоженную Касю. Чёрная кошка лениво подняла голову, зевнула и повернулась на спину. Лапы в сто-

роны, хвост верёвочкой, поза буквой зю. Артистка! Ладно, где же мои тапочки?

Накинув халатик, завязала пояс, огляделась. Бася на кресле, розовый нос в белое брюшко — прямо уроборос кошачий какой-то. Мисс Гранжер — в лукошке у печки. Любимое место. Тепло, светло, вся комната как на ладони. Где же тапочки? Дверь-то закрыта.

— Где мои тапочки? — спросила в пространство. Пашка отозвался немедленно:

— Цезарь, мелочь пузатая. Цезарь. Цезарррь, ко мне!

— Ты уверен? — я, поджав губы, уставилась на него. Попугай встопорщил остатки перьев на загривке, встряхнулся, совсем как собака, и сообщил:

— Цезарь опять украл тапочки. Цезарь — мелочь пузатая. Фу, нехорошая собака.

А потом наклонил голову, кося выпуклым чёрным глазом, и осведомился ласково:

— Яблочко будешь?

— Не буду. Мне надо кофе, — вежливо отказалась я. Пашка фыркнул моим голосом:

— Макария-Швейцария! Кофе. Фу, какая гадость.

Фейспалм летучий, а не попугай! Я похлопала по плечу:

— Ладно, пошли, дам яблочка.

Пашка распустил крылья, словно чайка на взлёте, нерешительно потоптался по своей жёрдочке и тихонечко пропел:

— Ма-а-ашенька, хорошая Ма-а-ашенька!

— Подлиза, пошли уже. Ногам холодно!

В доказательство я переступила пятками по крашеным доскам пола. Пашка резво запрыгнул мне на плечо, почти не помогая себе крыльями, уцепился за ткань халатика когтями и принялся нежно перебирать мне волосы за ухом:

— Ма-а-ашенька. Яблочко будешь?

— Отстань, — открыв дверь в кухню, я ступила на старенький тканый половик, доставшийся от старых хозяев.

— Цезарь — мелочь пузатая. Каська, пусти попугая! Рыжая зараза. Малыш. Р-р-рав! Ав-ав!

— Перестань ябедничать, — против воли прыснула я, а Пашка придержал моё ухо и доверительным тоном просвистел прямо в барабанную перепонку:

— Опять тапочки спёр! Мышка, мышка! Бася хитр-р-рожопая.

— Да знаю я всё это! Чего бы нового рассказал.

— Пашка — порода русскоговорящих попугаев с красным носом, отличается умом и сообр-р-разительностью, — заявил ябеда и перепрыгнул на стол, пока я искала тапки, приподняв скатерть. — Пашка отличается умом! Пашка с носом.

— Пашка балбес, — отмахнулась я, оглядывая кухню, по совместительству хомячатник, птичник и гостиную. Отдёрнула шторы. В клетках сразу зашевелились, подали голос. Пашка захлопал крыльями, вытянувшись, издал громкий вопль и с усилием перелетел на вольер волнистиков:

— Тишина в стр-р-рою! Молчать! Всех на улицу! Всех! На улицу!

Птички тут же притихли перед строгим генералом, только хомячиха Мышка ломанулась к своему колесу и побежала ежедневный марафон. Колесо закрипело как несмазанная телега, и я поморщилась. Как буду чистить клетки, капну маслом, а то невыносимо просто.

Да где же тапочки?!

— Цезарь! — громко, но ласково позвала я, внимательно оглядывая возможные нычки противной собаки. — Цезарь, иди ко мне, маленький! Иди ко мне, что я тебе да-а-ам!

— Цезарь — мелочь пузатая, — презрительно отозвался Пашка и, вытянув голову, залился самым натуральным лаем крохотной собачонки. Волнистики зачирикали громче воробьёв, а щеглы зашвистели от возбуждения.

— О гос-с-споди, — прошипела я. — Пашка, ты балбес!

Но попугай не замолчал, а продолжил лаять, взвизгивая периодически. И ему в ответ раздался точно такой же лай из-под печки. Пашка резко оборвал свою песню и, чистя клювом коготь на лапе, сказал обличающим тоном:

— Цезарь. Тапочки спёр. Цезарь — пузатая мелочь.

Я присела на корточки и заглянула в подпечье. Там хранились собачьи кастрюли и миски, а среди этого богатства залёг Цезарь прямо на моих тапочках.

— Ай-ай-ай, какая нехорошая собака, — покачав головой, я вытащила чихуашку за ошейник из-под печи, и он приехал в кухню лапами в тапочках. В больших выпученных глазёнках ясно читался укор и возмущение, но хвост был поджат под задние лапы. В прошлом Цезаря носили исключительно на руках и в сумочке, оставляли в машине на полдня и спускали на пол, только чтобы позволить сходить в лоток. В результате собака заработала хроническую почечную недостаточность и фобию на траву, снег и асфальт. Ещё Цезарь кусался в любой непонятной ситуации, а укусы крохотных и острых, как зубчики вилки, клыков — это, знаете ли, ещё «приятнее», чем кошачьи царапки.

— Цезарь противный! — снова вякнул Пашка и захохотал, как доктор Зло. А я всё никак не могла привыкнуть к этому его смеху, даже вздрогнула и плюнула:

— Пашка, прекрати! Цезарь хороший мальчик. Правда, Цезарь?

Хвостишко выбрался на свободу и завилял легонечко. Я вытащила тапки из-под собаки, с облегчением сунула в них ноги, старательно игнорируя обслюнявленный верх, и вздохнула:

— Ну, вот и новый день.

— День, тень, пень на плетень, — перечислил Пашка. Гугли-рифма, да и только. Включила чайник и достала из шкафчика яблоко. Пашка тут же вспорхнул на стол, крутясь возле ножа, которым я кромила фрукт:

— Яблочко будешь? Будешь? Яблочко! Пашка с носом!

— Смотри, обрежу — останешься без носа, — предупредила я попугая и протянула ему кусочек: — На, лакомись, оторва!

— Пашка... чавк-чавк... хороший мальчик.

— Да-да, конечно.

Чайник зашумел, вызвав оживление в клетках. Но на волнистиков с их чириканьем я уже давно научилась не обращать внимания. Две ложечки растворимого кофе, ложечка сахара, кипяток и сливки. И день может начинаться.

Выпив свою законную утреннюю чашку, я сунула босые ноги в валенки, надела старенький ватник и позвала:

— Цезарь, гулять!

Рыжая молния метнулась мне под ноги и завертелась угрём, поскуливая. Открыла дверь на террасу, а потом и входную, скинув засов. Чихуашка вылетел во двор, оставив на крыльце цепочку крохотных следов, и нырнул под штакетины палисадника в глубокий снег. Сбоку чихнули, а из кухни донёсся голос Пашки:

— Малыш дурик!

Закрыв дверь, я фыркнула:

— Прямо Пашка не дурик!

Большая лохматая голова ткнулась мне в бок. Я запустила руку в шерсть на загривке и с силой почесала. Малыш чуть двинулся, и мне пришлось ухватиться за перила, чтобы не упасть. Оттолкнув собаку, с нежностью пожурила:

— Ты всё-таки дурик! Убьёшь меня когда-нибудь.

Ласковое ворчание было мне ответом. Малыш отряхнулся от снега и наледи очень обстоятельно: сначала головой помотал, потом всем мохнатым телом, закончил кончиком пушистого хвоста — и начал медленно спускаться по ступенькам. Я проследила за толстым бело-рыжим задом и с наслаждением вдохнула морозный воздух. Середина января выдалась снежной, а в городе, наверное, слякоть. Нет, всё-таки отличный домик мне дали, несмотря на воду из колодца и печное отопление. Небольшой, но

тёплый. И пол не проваливается, как у некоторых. Видала я эти бесплатные дома для детей-сирот.

— Цезарь, ты где?

Крикнула и вгляделась с улыбкой в припорошенный снежком двор. По следам можно найти чихуашку. Пусть гуляет. Это уже счастье, что Цезарь не трясётся от ужаса, как раньше, стоит лишь его спустить на землю. Писался и какался, просто оказавшись на снегу. Теперь вон — бегаёт, скачет из сугроба в сугроб.

Малыш попёрся с весьма деловым видом обходить вверенную ему территорию. Он у меня парень серьёзный, не то что некоторые попугаи. Впрочем, московская сторожевая на то и сторожевая, чтобы сторожить. Обходить тут не слишком много, весь участок шесть соток — как дача. Но Малыш относился к своим обязанностям очень ответственно. А я пошла отвязывать от цепи шину.

К обеду всё было готово к приезду новой пансионерки. Заборчик осталось только укрепить. Я вбила штакетины в мёрзлую землю — не без обуха и такой-то матери. Цепь натяну, чтобы мадам питбулиха не доставала до забора, а вот Малыш вполне может всей тушей опереться на него и снести часть. Поэтому надо примотать проволокой секции одну к другой. Но как тут закончить всё, когда:пусти Цезаря, выпусти Цезаря, отгони кур, отгони Цезаря от кур, отгони Цезаря от Малыша?..

Поэтому в обеденный перерыв я накрепко заперла чихуашку в доме, решив не обращать внимания на его возмущённый скулёрж, а Малышу велела охранять крыльцо. Мало ли, вдруг кто-то решит украсть ступеньки! А тут как раз Малыш. Зарычит, залает басом, и воры сразу убегут.

Шутки шутками, но питбулиха с течкой казалась мне чем-то сакральным и ужасным. Не для того я принимаю собак на поддержку, чтобы потом раздавать щенят-метисов. И почему Елена Сергевна решила осчастливить именно меня? Впрочем, к чему этот вопрос? Она знает, что я не откажу. Но не наглеет, понимает,

что всю зарплату я трачу на своих постояльцев. И питбулиху с течкой я приму, и Малыша от неё буду отгонять.

Жареная картошка с сосиской вызвала повышенное слюноотделение у Цезаря, который внезапно вспомнил, что был рождён карманной, ручной собачкой, принялся скакать на задних лапках и умильно складывать передние перед грудью. Пашка, пользуясь своим положением крылатого, утащил с тарелки кусок картошки и склевал потихонечку, дразнясь:

— Цезарь, нет! Фу! Цезарь, противная собака. Кушать, кушать!

— Пашка, отстань от бедного Цезаря, — не прекращая думать о заборе, попросила я. Попугай бочком, осторожно поглядывая на меня, подобрался к тарелке, примерился и стащил второй кусок картошки. Ускакал с ним на другой конец стола и вредным голосом Елены Сергевны выкрикнул:

— Машенька, золотце! — и продолжил уже моим голосом: — Цезарь спёр тапочки. Бася мышку притащила. Малыш дурик. Пашка дурик, хороший мальчик.

Клюнул картошку и нежно пропел:

— Пашка, не воруй, перья повыдергаю. С носом.

— Ага, и повыдергаю, вот увидишь! — усмехнулась я. — Тебе вредно есть картошку.

— Кар-р-ртошку! — Пашка изобразил звуки страстного поцелуя. — Кар-р-ртошку Пашка. Перья!

— Они у тебя сами повылазят от такой диеты.

Пашка фыркнул и принялся расклёвывать добычу. Я только покачала головой.

К вечеру секции заборчика были примотаны одна к другой так крепко, как я только смогла затянуть проволоку. Правда, от экспериментов пришлось отказаться ввиду полного и окончательного равнодушия Малыша к ограде. Я не смогла заставить эту тушку даже подойти, не то что ломануться сквозь нее. Ну, посмотрим по обстоятельствам. В крайнем случае, Малыш будет ночевать на террасе. А для питбулихи я вытащила из сарая будку, в которой